

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФЕНОМЕН ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Гречкина Е.Н., Чагилов В.Р.

ГАОУ ВПО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», Невинномысск, Россия (357108, г. Невинномысск, ул. Гагарина, 11А), Dom38-2@yandex.ru

Статья посвящена анализу роли информационных технологий в современном политическом процессе, в котором прежние, «классические» методы завоевания и легитимации власти с неизбежностью уступают место динамически растущим информационным техникам, усугубляя тем самым имманентный современному миру глобальный кризис демократии. В статье приводится описание новых форм и видов коммуникативных технологий, применяемых в повседневной политической практике. Ведущая роль отводится интернет-технологиям, а также роли процесса глобализации. Авторами приводится сравнение между «технологиями» ненасильственного захвата власти и явлением политического экстремизма. Делается вывод о том, что технология «ненасильственного» захвата власти является инструментом политических экстремистов. В статье на примерах многих стран раскрывается тактика использования либо агрессивных методов захвата власти, либо «мягких» ненасильственных технологий, которые приводили к «цветным» революциям и смене власти в этих государствах.

Ключевые слова: политическая власть, легитимация, глобализация; политические технологии; «мягкая власть»; «цветные революции», «бархатные революции», политические акторы.

INFORMATION EXTREMISM AS A PHENOMENON OF THE GLOBAL INFORMATION SPACE

Grechkina E.N., Chagilov V.R.

«Nevinnomyssk state humanitarian-technical institute», Nevinnomyssk, Russia (357108, Nevinnomyssk Gagarin St., 11A), Dom38-2@yandex.ru

This article analyzes the role of information technologies in modern political process, in which the former "classical" methods of conquest and legitimizing power inevitably give way to a dynamically growing information technology, thereby exacerbating the immanent to the modern world global crisis of democracy. This article describes the new forms and types of communication technologies that are used in everyday political practice. Internet technologies, as well as the process of globalization today plays a leading role. The author gives a comparison between the "technology" of nonviolent seizure of power and phenomenon of political extremism. It is concluded that the technology "nonviolent" seizure of power is an instrument of political extremists. In the article on examples of many countries reveals tactics use of aggressive seizure of power, or "soft" non-violent technologies, that resulted in "color revolutions" and the change of power in these countries.

Keywords: political power, legitimation, globalization; political technologies; "soft power"; "Color revolutions", "velvet revolution", political actors.

XXI век знаменовал тотальный триумф постиндустриальной цивилизации, где информация является таким же конвертируемым ресурсом развития, как нефть, газ или энергия. Новейшие информационные технологии, коммуникативные практики и их активное применение являются логической и необратимой тенденцией международной политики, в общем, и научно-технической революции, в частности.

При переходе к технологическому, постиндустриальному, информационному обществу можно говорить о существенной технологизации политической сферы жизнедеятельности, а также о возможности использования современных технологических разработок в захвате политической власти различными экстремистскими группировками.

Один из виднейших политологов современности М. Г. Анохин дает следующее определение такому явлению, как политическая технология: «Технология политическая – это методы решения политических проблем, выработки политики, ее реализации, осуществления практической политической деятельности. Технология политической деятельности – это комплексная система методов и способов воздействия на объект политики с целью достижения определенных целей. Сфера применения технологий лежит, как правило, в плоскости практической деятельности политических субъектов по осуществлению выработанного политического курса и достижению конкретных политических целей и задач» [2, 101–104].

Политические технологии используются во всем спектре политического пространства, особенно в системе государственного управления. Политические технологии включаются в политические процессы как в виде конвенциональных приемов и процедур, так и в неконвенциональных, т.е. используются процедуры и приемы, запрещенные законодательством и противоречащие моральным устоям в обществе.

Неотъемлемым фактом действительности стало постоянное расширение форм и видов новых информационно-коммуникативных технологий, применяемых в повседневной политической практике. Ведущую роль в данном процессе на протяжении последнего десятилетия играет информационно-коммуникационная сеть социального взаимодействия – Интернет. Ежедневное увеличение количества доступных в Сети информационных ресурсов постепенно приводит к формированию канала действительно массовой, а не элитной коммуникации. На волне глобализации данные процессы все шире охватывают мировое сообщество в целом и Россию, как его неотъемлемую часть [1, 140–142], [3, 17–19]. В этот момент формируется новый значительный канал политического воздействия, интенсивность развития которого может привести к революции в представлениях о системе обеспечения политической деятельности, а также о традиционных легальных политических технологиях.

Эти каналы используют не только легальные политические акторы, но и теневые субъекты политики, заинтересованные в захвате политической власти в стране или в ослаблении роли России в международном политическом пространстве. Сложность в борьбе с этими силами, в первую очередь, заключается в том, что используются правовые, ненасильственные методы и технологии захвата власти, которым, зачастую, сложно противостоять. Из этого можно сделать заключение, что ненасильственная борьба – куда более сложное и более полифункциональное средство, чем насилие, поскольку она использует информационно-технологические, психологические, социальные, политические и экономические методы.

Политические и социальные трансформации во многих постсоветских странах продолжают сопровождаться рядом таких острых проблем, как высокий уровень безработицы, динамически растущее социальное расслоение, неравноправный доступ ко многим социальным благам. Однако эти проблемы не связаны напрямую с такими социальными факторами, как гендер, этничность, террито-

рия проживания. В настоящее время одна из главных ролей отводится тем факторам, которые влияют на политическое сознание граждан и социальные группы, обеспечивая политическим акторам достижение определенных результатов в борьбе за обладание властью. Все чаще используются такие политические технологии, которые, влияя на политическое сознание и политическое поведение людей, формируют протестный потенциал и задают вектор последующим политическим действиям социальных групп [8, 182–187]. Примером могут послужить произошедшие в последние годы в странах бывшего СССР «цветные революции», которые способствовали трансформации устоявшихся взглядов на политические процессы, которые связаны с традиционными представлениями в обществе о методах, способах и средствах осуществления борьбы за политическую власть.

События в Украине прошлого периода и сегодняшние реалии, революции в Грузии, Киргизии показали, что «прозападная» молодежь, а также политическая элита, стремящаяся захватить власть, использовали протестную энергию масс определенных социальных слоев населения, движущей силой которой, зачастую, выступает молодежь, осуществили ненасильственный захват власти. Безусловно, анализировать только внешнюю технологическую сторону «цветных революций» методологически неправильно, поэтому необходимо для реализации тактики ненасильственных действий при осуществлении подобного рода переворотов выявить причины, вызывающие недовольство политической властью, и факторы, способствующие формированию протестного движения.

Идейным вдохновителям таких процессов приходится использовать социологические «карты недовольства», показывающие, насколько социальные слои чувствуют и понимают степень несправедливости своего положения в обществе. Исходя из полученных результатов, идеологи-политтехнологи подбирают способы искусственного обострения этих недовольств.

Очень часто используют технологии «политического спектакля» [4]. В рамках этой технологии изучается подробно культура государства и социальных групп, в котором планируется ставить «спектакль». На основе этих данных пишется «сценарий» и подбираются «художественные средства» и готовится режиссура. В качестве такой иллюстрации можно привести страны Восточной Европы, в которых происходили смены социалистических режимов. Данную технологию описывал в своих работах итальянский политический деятель А. Грамши. В своей теории гегемонии он уделял большое внимание театру, особенно театру Луиджи Пиранделло, который способствовал приходу фашистов к власти в Италии [5].

В таких «спектаклях» свергаемая легальная политическая власть не способна применять насилие против безоружной толпы, часто армия отказывается применять силу против таких беззащитных протестных масс. Еще лучше, если такой захват власти происходит в период избирательных кампаний. В этой ситуации формируется образ «грязных» выборов для того, чтобы создать иллюзию фальсификации, неопределенности, что подготовит почву для постановки «спектакля на площади». Революции в Грузии, Украине, Киргизии являются именно такими примерами. Главным качеством этих

революций является иллюзия ненасильственного характера развития событий в общественном сознании.

В данных ненасильственных способах захвата власти манипуляции опираются на реально существующие в обществе противоречия и стереотипы. Манипуляторы в данном процессе используют технологии, результатом которых является изменение интересов людей, их представлений о политической ситуации, «раздуть» одни элементы, затушевать другие, нарушить способность к объективному анализу событий и «угроз», подавить навыки рефлексии и стереть в памяти «неудобные» события.

Сходство «сценариев» и методов, которые использовались в Югославии, Украине, Киргизии, Грузии, позволяют говорить о том, что оппозиция поддерживалась извне, т.е. финансировалась и управлялась технологами из других стран. Кроме того, смена политического курса не являлась прямым следствием глубоких кризисных политических, экономических или социальных процессов, очевиден факт использования стратегий ненасильственных действий.

Стратегию ненасильственного захвата власти стало возможным использовать в условиях бесконтрольного распространения манипуляционных технологий и трансформации сознания. Информационные технологии и когнитивные практики привели к утилизации среднего класса, создали социальные сети, которые стали инструментом «революционных» движений. С помощью этого сегмента общества происходит давление на политических лидеров, находящихся у власти, с целью принуждения их к уходу с постов государственной власти. На первый взгляд, кажется, что происходит естественное давление снизу, однако, зная технику проведения манипуляционных действий, можно с уверенностью утверждать, что это явление далеко не спонтанное, а хорошо продуманное, организованное, контролируемое – создано технологически. Именно в этом состоит специфика сетевых технологий, и именно с помощью этих приемов проводятся «бархатные революции» [3].

Технологии информационно-психологического воздействия на политические процессы на практике состоят из двух способов. Первый элемент воздействия – это агрессия, которая проявляется в форме информационно-психологической войны. Вторым способом – использование «мягких» психологических технологий, с помощью которых происходит управление конфликтной ситуацией. С помощью первого способа происходит подготовка к переходу к вооруженной стадии конфликта. С помощью второго метода ищут способ мирно разрешить ситуацию.

Использование того или иного набора технологий информационно-психологического воздействия зависит от политической ситуации в конкретном государстве и общей международной обстановки. Например, в Украине, Грузии, Киргизии технологи использовали «мягкий» способ захвата власти, провели «бархатные революции», изучив внутривнутриполитическую обстановку, воспользовались нестабильностью. В Афганистане и Ираке использовались «жесткие» технологии проведения операций – в массовом сознании международной общественности культивировались специальные, удобные политические мифы: яркие отрицательные персонажи «международного терроризма» (образ «Бен Лад-

на»), насаждается страх и культивируется паника по поводу «всеобщей глобальной угрозы», исходящей от государств, имеющих в стране оружие массового уничтожения.

Примерами проведения «бархатных революций» и использования информационно-психологических технологий, в целях ненасильственного, «мягкого» изменения государственного строя, являются в Сербии – «бульдозерная революция», в Грузии – «революция роз», в Украине – «оранжевая революция», в Центральной Азии – Кыргызстане – «революция тюльпанов», «кедровая революция» в Ливане, а также неудачные попытки в Беларуси провести «васильковую революцию». Еще раньше этот способ апробировали авторы революций в Португалии, проведя «революцию гвоздик», ставшую бескровным военным переворотом, и «бархатную революцию» в Чехословакии, результатом которой стал раскол страны на две части.

«Бархатные революции» на глобальном уровне управления процессами глобализации считаются универсальными и могут применяться в самых различных государствах, быть универсальным «демократическим шаблоном», «матрицей», которую можно массово тиражировать или экспортировать эти «демократии» в другие страны. Без сомнения, можно утверждать, что «бархатные революции» – это качественно новые технологии политического экстремизма, природой которого является незаконный захват власти. Алгоритм в технологической цепочке манипулирования сознанием общества таков: организация, идеологическая поддержка и управление молодежным протестным движением, далее – системная работа с оппозицией и сосредоточение ее вокруг лидера, который также полностью подчинен манипуляторам, затем – работа с подсчетом голосов в противовес официальным избирательным процедурам и, наконец, – план мероприятий, направленных на случай, если, возникнут новые «переменные» и «сценарий захвата власти необходимо будет пересмотреть.

Первым шагом в алгоритме захвата власти является работа с молодежью, а точнее – создание молодежного протестного движения, а также впечатления у населения, что данные организации возникли спонтанно, как ответ на вызовы и угрозы, исходящие от официальной власти, как протест. На самом деле, это строго контролируемые организации. Движения «Отпор» в Сербии, «Пора!», «бандеровцы» в Украине и др. выглядят не просто стихийными, а истинно народными, в которых молодежь, не имея политического опыта, не может априори руководствоваться расчетом. Манипуляция состоит в том, чтобы убедить государство и мировое сообщество, что молодежь следует «велению сердца». Далее воплощают в жизнь оставшиеся шаги по захвату власти, по описанному выше алгоритму.

В современной России «бархатные революции» также рассматриваются как новейшие политические технологии информационно-психологического влияния и технологии информационно-психологической войны. На наш взгляд, прямым подтверждением такого умозаключения является работа «Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко...» известных российских ученых С. Карамурзы, С. Телегина, А. Александрова, М. Мурашкина, которые описали технологический алгоритм

психологических приемов «бархатных революций» на примере «оранжевой революции» в Украине [7].

Угроза применения технологий цветных революций по отношению к России, безусловно, есть. Эта угроза всегда была, начиная с обкатки технологий цветных революций в Украине и попытке осуществления революции в Беларуси (ближайших по менталитету к России братских республиках), сохраняется она и сейчас. Правительство России много сделало для того, чтобы не допустить возможность совершения такой революции и сохранить независимость страны, защитить население России от ненасильственного информационного экстремизма. На территории России прекратили свою деятельность многие зарубежные неправительственные организации (такие как «Британский Совет»), известные своей ролью в организации «цветных» государственных переворотов по всему миру, перекрыто поступление им финансовых потоков, требующихся для «экспорта демократии». Молодежь – главная движущая сила всех революций – организована в молодежные движения («Наши», «Молодая Гвардия», «Справедливая Россия» и т.д.), призванные противостоять насаждаемому из-за рубежа политическому экстремизму, а также попыткам принудительно изменить государственный строй.

Главным условием успеха проведения цветных революций является политическая нестабильность, политический или экономический кризис. В настоящее время в России нет политического кризиса и недоверия политической власти, наоборот, отмечается резкий рост рейтинга Президента и правительства. Хочется отметить, что в странах, где технологи просчитались и необъективно оценили прочность политической власти, «бархатные революции» были подавлены и не удались. Например, вооруженный мятеж в Узбекистане был подавлен армией, а идеологи и организаторы понесли наказание по законам военного времени – расстреляны. Примерно также поступили китайцы во время попытки провести подобную революцию на площади Тяньаньмынь.

В Беларуси КГБ Республики объявил за три месяца до ее начала точную дату начала массовых беспорядков. Более того, в белорусских газетах был опубликован план революции, согласно которому в толпе, собравшейся на митинг, должно было взорваться взрывное устройство. Это привело бы к массовым жертвам, а западные СМИ обвинили бы во всем режим Лукашенко. В день, когда собранная организаторами толпа прибыла на центральную площадь Минска, она свободно прошла сквозь милицейское оцепление – правда, при этом у всех участников митинга изымалось все снаряжение: палатки, продовольствие, железная арматура для потасовок и, самое главное, при длительной акции протеста – биотуалеты. Понятно, что через несколько часов «митингования» масса людей стала временно отлучаться из рядов митингующих и следовать в ближайшие подъезды жилых домов, где их уже совершенно предсказуемо задерживала милиция за оправление биологических потребностей в общественных местах. Несомненно, это «красивая» схема противодействия цветной революции.

Кроме того, Россия – огромная страна, и организация акций массового протеста только в Москве или Санкт-Петербурге недостаточно для смены власти по сценарию революций в Украине,

Грузии или, например, в Югославии. Не стоит забывать, что все страны, в которых цветные революции удались, – это относительно географически небольшие государства. В России центров «оранжевого путча» должно быть минимум с десяток, события во всех них должны начаться одновременно и развиваться синхронно, что требует высокой организации и трудно осуществимо.

Список литературы

1. Авдеев Е.А. Этнический фактор в современных глобализационных процессах // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 5. – С. 140–142.
2. Анохин М.Г. Политические технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия политология. – 2000. – № 2. – С. 101–104.
3. Бакланов И.С., Авдеев Е.А. Взаимодействие глобального и локального: проблемы национальной и культурной идентификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 17–19.
4. Ги Дебор. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – 224 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко ... [Электронный ресурс] С.Г. Кара-Мурза – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/export/>
6. Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт. М.: Изд-во «Эксмо», 2006.
7. Манойло А.В. «Зеленая революция» в Иране: практика применения Западных технологий цветных революций в исламском мире [Электронный ресурс] А.В. Манойло // Научно-политический журнал Мир и политика – Режим доступа: http://mir-politika.ru/337-zelenaya_revoluciya.html
8. Микеева О.А. Современная диспозиция различных исторических типов социальных коммуникаций // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2010. – № 3. – С. 182–187.

Рецензенты:

Баранов С. Т., д.филос.н., профессор, профессор кафедры культурологии и искусств факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Бакланов И. С., д.филос.н., профессор, профессор кафедры философии факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.